

Н. А. Некрасов

Промежуток между 1865 и 1868 годами ознаменовался для меня знакомством с несколькими писателями, группировавшимися вокруг Некрасова, - прежде всего, конечно, с ним самим, затем с Григорием Захаровичем Елисеевым, Василием Алексеевичем Слепцовым, Николаем Степановичем Курочкиным и др.

Я положительно не помню, каким путем состоялось мое сближение с Некрасовым. Обратил ли сам Некрасов внимание на меня, прочитав мой фельетон в "Народной Летописи", Слепцов ли через Топорова рекомендовал меня Некрасову, или это было дело Г. З. Елисеева, с которым я как раз около этого времени познакомился в свою очередь через А. В. Топорова. Помню только, что в один из понедельников в феврале или марте я явился к Некрасову, в его квартиру в доме Краевского, на углу Бассейной и Литейной, - и Некрасов предложил мне писать ежемесячно рецензии по беллетристике, причем выдал записку для получения новых книг из магазина Давыдова, если память меня не обманывает.

Но моему сотрудничеству в "Современнике" не суждено было продолжаться более одного месяца. Я только и успел написать две рецензии на рассказы из народного быта В. Слепцова и "Степные очерки" А. Левитова⁶⁹, как "Современник" прекратился.

Личность Некрасова является и до сих пор еще камнем преткновения для всех, имеющих обыкновение судить шаблонными представлениями. Помилуйте, поэт музыки гнева и печали, певец народного горя, глашатай мук и стонов всех обездоленных, - и вдруг большую часть жизни был окружен полным комфортом и почти роскошью, сладко ел и пил, играл в карты, и если бы еще пользовался всеми благами жизни, получив их готовыми в виде наследства от родителей, - но он сам сознательно стремился к наживе этих благ, постоянно был себе на уме, всех поражал своей холодной практичностью и способностью сколачивать копейку, прибегая для этого порой и к не совсем благовидным поступкам, заставлявшим негодовать на него друзей и даже отворачиваться от него. Всего этого оказалось достаточным, чтобы людям, привыкшим мыслить по шаблонам, совсем разочароваться в Некрасове, не только как в человеке, но и как в поэте, предположить, что Некрасов вовсе не был искренним лириком, а только ритором, что он поддельно горевал под народное горе, потому что это было ему выгодно, и, лицемерно выказывая сочувствие народу, сам лично никакого подобного сочувствия не питал, а был одним из тех кулаков, к которым относился с поддельным негодованием, и пр. и пр.

Но в том-то и заключается источник всех вопиющих противоречий в личности и жизни Некрасова, что он был не ходячим идеалом, а живым человеком, который, прежде чем сделаться поэтом народного горя, был младенцем, которого пеленали и кормили молоком матери или кормилицы, был ребенком, бегавшим со своими сверстниками по берегам Волги, гимназистом и т. д. и впитывал в себя впечатления от всего окружавшего его вплоть до влияния Белинского. И вот создался человек, который к тридцати годам успел уже настолько окрепнуть в выработанных годами формах, настолько окончить в них, если можно так выразиться, что ни к каким дальнейшим изменениям в чертах своего характера был уже не способен. Белинский говорил о нем, что "он вырос в грязной положительности и никогда не был ни идеалистом, ни романтиком". Некрасов и сам соглашался, что он "точно не был идеалистом, иначе прежде всего не взялся бы за журнал, требующий практических качеств; что он был очень беден и очень молод, восемь лет боролся с нищетой, видел лицом к лицу голодную смерть, в 24 года уже был надломлен работой из-за куска хлеба и не до того ему было, чтобы жертвовать своими интересами чужим"...

Достоевский, знавший Некрасова в юности, в свою очередь говорит:

"Миллион - вот демон Некрасова! Что ж, он так любил золото, роскошь, наслаждения и, чтобы иметь их, пускался в "практичности"? Нет, скорее это был другого характера демон, это был самый мрачный и унижительный бес. Это был демон гордости, жажды самообеспечения, потребности оградиться от людей твердой стеной и независимо, спокойно смотреть на их

злость, на их угрозы. Я думаю, этот демон присосался еще к сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лет, очутившегося на петербургской мостовой, почти бежавшего от отца. Робкая и гордая молодая душа была поражена и уязвлена, покровителей искать не хотела, войти в соглашение с этой чуждой толпой людей не желала. Не то чтобы неверие в людей закралось в сердце его так рано, но скорее скептическое и слишком раннее (а стало быть, и ошибочное) чувство к ним. Пусть они не злы, они не так страшны, как о них говорят (наверно думалось ему), но они все все-таки слабая и робкая дрянь, а потому и без злости погубят, чуть лишь дойдет дело до их интереса. Вот тогда-то и начались, может быть, мечтания Некрасова, может быть и сложились тогда же на улице стихи: "В кармане моем миллион"... Это была жажда мрачного, угрюмого отъединенного самообеспечения, чтобы уже не зависеть ни от кого. Я думаю, что не ошибаюсь, я припоминаю кое-что из самого первого моего знакомства с ним. По крайней мере, мне так казалось потом всю жизнь..."

Что же касается моих личных воспоминаний, то меня поражала всегда вот такая особенность в Некрасове, чем я и объяснял и практичность его, и предприимчивость в сколачивании копейки. Он представлял собой действительно чрезвычайно яркий тип, но не поэта народного горя, как воображают себе такого поэта люди шаблонного мышления, а ярославца... С головы до ног это был истый сын своей родины, со всеми теми характерными чертами, какими отличаются ярославцы. Биографические данные, относящиеся к его юности, еще более убедили меня в этом. Ярославцу, как известно, тесно и душно жить безвыездно в родном селе и довольствоваться тем скудным урожаем, каким награждает его тощая почва. Он постоянно стремится на широкий простор жизни, в какие-нибудь торговые, промышленные пункты, а то и в столицы. Именно в таком виде, как изобразил своего героя Некрасов в стихотворении, упоминаемом Достоевским, т. е. с предлинной палкой в руках, с пустой котомкой на ней, с овчинной шубейкой на плечах и с пятнадцатью грошами в кармане, является ярославец в Петербург, и, несмотря на то что у него "ни денег, ни звания, ни племени, что он мал ростом и с виду смешон", - это не мешает ему мечтать о том, что в двадцать, в сорок лет в кармане его будет миллион...

И мысль эта не покидает ярославца, несмотря на самую страшную нужду и голод. Полный отваги и предприимчивости, он не теряет времени, и за что только ни берется он для осуществления своей мечты: сегодня он торгует спичками или гнилыми яблоками, завтра несет в руках какого-нибудь диковинного зверька, послезавтра поступает половым в трактир, а там - глядишь - открывает лавочку или портерную и сам становится хозяином.

Если вы взглянете в юные годы Некрасова, во все те мытарства, какие он пережил, пока не сделался редактором "Современника", вас поразит сходство всех этих мытарств с похождениями любого его земляка. Перед вами вовсе не скромный труженик, который только и делает, что беседует с музами, борясь с нуждой, довольствуется той скудной платой, какую ему предлагают скупые издатели, и не предпринимает ни малейших попыток выйти из своего бедственного положения, пока талант не обратит на него всеобщего внимания и не сделает его знаменитостью, произведения которой ценятся на вес золота. Напротив того, мы видим, что в первых же шагах своих в столице Некрасов является уже отважным предпринимателем, и жилка практичности сказывается уже в нем. Как истый ярославец, он стучится, что называется, во все двери и чего только ни предпринимает ради того, чтобы выбиться из нищеты и обеспечить себя: и рецензии пишет, и уроки дает, и волшебные сказки сочиняет, и заводит связи с актерами, и пишет пьесы для сцены. В то же время, несмотря на свои восемнадцать лет, он представляется нам вовсе не таким беспечным и нерасчетливым юношей, который что получал, то сейчас же и проживал, путаясь в долгах. Ничуть не бывало. Довольно сказать, что в течение первых же двух лет пребывания в Петербурге, как раз в такое время, когда ему приходилось иногда ночевать на улицах или в нищенских вертепах, он тем не менее успел скопить такую сумму денег, что был в состоянии издать на свой счет и риск книжечку своих первых стихотворений, а через пять лет он уже является главным организатором литературных сил с целью издания сборничков и отважно выпускает их один за другим, пока не становится во главе "Современника" соперником такого прожженного уже доки в журнальном деле, как Краевский.

Ярославская практическая предприимчивость не ограничивалась в Некрасове одним только бессознательным врожденным инстинктивным влечением, а впоследствии развилась в

вполне сознательный идеал, который Некрасов олицетворил в романе "Три страны света"⁷⁰ в своем герое Каютине. Подобно самому автору, этот Каютин, пройдя сквозь такие же испытания, пришел к убеждению, что для того, чтобы нажиться у нас в России, в которой скрываются неисчерпаемые источники богатств, неразработанные, нетронутые, - нужны только умнее да твердая, железная воля... "Бывают же примеры и у нас, - говорит Каютин, - что человек, не имевший гроша, через десять, двадцать лет ворочает сотнями тысяч, а отчего? Он отказывает себе во всем, отказывается от всего... обрекает себя на бессрочную разлуку с родным углом, с детьми, со всем дорогим его сердцу... С опасностью жизни переплывает он огромные пространства на плоту, на дрянной барке, мерзнет, мокнет, питается Бог знает чем, и надежда выгодно сбыть дрова, получить гривну на рубль за доставку чужого хлеба подкрепляет и одушевляет его в долгом, скучном и опасном плавании. Только успел он вздохнуть спокойно, почувствовав под ногами твердую землю, как новый выгодный оборот увлекает его часто на совершенно противоположный конец нашего необъятного царства.

И вот уже через несколько месяцев он мчит на оленях по унылой и однообразной тундре, покупает, выменивает у дикарей звериные шкуры, братается с ними... А через год ему, может, придется быть в Сибири. Та же опять борьба, лишения, вечный страх и вечная, неумирающая надежда... Вот как куются денежки!.."

В этой восторженной тираде высказался перед нами предприимчивый ярославец, весь, до самого своего нутра. К этому самому идеалу стремился Некрасов по мере сил своих всю жизнь - правда, осуществляя его не так широко, как он провел его в своем романе, а ограничиваясь одною литературной сферой.

Но было бы крайне односторонне видеть в Некрасове одну только практическую предприимчивость и вообразить, что он весь исчерпывался ею, представлял собою ходячую практичность. Рядом с этим элементом мы видим в нем и другие. Если бы Некрасов весь исчерпывался одной практичностью и жаждой нажиться, из него выработался бы один из тех литературных промышленников, которые, пlying всю жизнь между Сциллой и Харибдой литературного моря, к пятидесяти годам сколачивают изрядный капиталчик и, заботясь лишь о его округлении, очень бывают довольны, если им удастся обзавестись двумя-тремя каменными домиками, доходным именьицем, и больше им ничего не надо. Таков, например, был Андрей Александрович Краевский или Григорий Евлампиевич Благодетлов. Совсем не таков был Некрасов. Как благодушно филистерское прозябание изо дня в день, так и скаредная радость при виде возрастающего из года в год капиталчика - были совершенно чужды его натуре. Это был человек, обладавший сильными страстями, которые постоянно требовали исхода в каких-нибудь потрясающих впечатлениях, и мелкая тина повседневных дрязг претила ему. По самой натуре своей это был боец в том смысле, что для него, как вода для рыбы, необходима была борьба с такими препятствиями и опасностями, в которых заключался бы более или менее отважный риск.

Одним словом, Некрасов принадлежал к типу тех людей, из которых вырабатываются или отважные мореходы и путешественники, Колумбы, Куки, Ливингстоны, или же пираты и контрабандисты. Недаром Некрасов заставил своего Каютина, в лице которого он воплотил свой идеал, в его стремлении нажиться не ограничиваться какими-нибудь спекуляциями в стенах столицы, а непременно путешествовать по трем странам света, подвергаясь всевозможным опасностям в борьбе с разными стихиями. Если бы Некрасов не обладал художественным талантом, устремившим его на литературное поприще, из него непременно выработался бы если не скиталец вроде Маклая-Миклухи, то тот же Каютин.

Самая обстановка Некрасова соответствовала его склонностям. Кто вошел бы к нему в квартиру, не зная, кто в ней живет, ни за что не догадался бы, что это квартира литератора, и к тому же певца народного горя. Скорее можно было подумать, что здесь обитает какой-то спортсмен, который весь ушел в охотничий промысел; во всех комнатах стояли огромные шкапы, в которых вместо книг красовались штуцера и винтовки; на шкапах вы видели чучела птиц и зверей. В приемной же комнате на видном месте между окнами стояла на задних лапах, опираясь о дубину, громадная медведица с двумя медвежатами, и хозяин с гордостью указывал на нее, как на трофей одного из своих самых рискованных охотничьих подвигов.

Нужно при этом заметить, что какая бы то ни была борьба увлекала Некрасова не столько достижением своей цели, ради которой она велась, сколько самой поэзией ее процесса! Если долгое время он не испытывал сильных впечатлений этой поэзии и дни тянулись за днями в однообразных мелочах будничной жизни, он весь как-то опадал, им овладевало уныние, он делался угрюм, раздражителен и желчен. Наверное, в подобные монотонные минуты жизни создались у него такие мрачные стихотворения, как "О погоде" или "Рыцарь на час". Когда же ему предстояло встать лицом в лицу с чем-либо вызывающим его на бой и напрягающим его нервы, он весь словно приосанивался, делался весел, разговорчив, и глаза его горели...

Как бы это ни казалось странно с первого взгляда, тем не менее следует признать, что три такие, не имеющие, по-видимому, ничего общего между собой, занятия в его жизни, как издание журнала, карточная игра и охота, проистекали из одного и того же источника и имеют совершенно один и тот же характер. Не одно только увлечение передовыми идеями, но и не одна выгода заставляли его издавать журналы с рискованными направлениями; вместе с тем действовало здесь и упоение борьбы с теми опасностями и всякого рода подводными камнями, с какой соединялось это дело. Когда Некрасову удавалось отстоять журнал, провести какую-нибудь статью, печатание которой казалось с первого взгляда немыслимым риском,--он радовался и ликовал совершенно так же, как и в то время, когда ему удавалось подстрелить большого лося или уложить медведя. Увлекаясь подобного рода борьбой, он позволял себе многое такое, что могло казаться предосудительным с точки зрения строгой морали, но что он оправдывал, как военные хитрости. Жестоко ошибаются, таким образом, те, которые объясняют двоедушием те презрительные отзывы, которые делал Некрасов в английском клубе о некоторых из своих сотрудников. В его глазах это была лишь стратегия, посредством которой он желал показать, как он сам мало ценит этих сотрудников, внушить кому следует, в свою очередь, не смотреть на них как на каких-то опасных страшилищ.

Между тем как Некрасов вносил в издательское дело азарт игрока, в свою очередь, в самый разгар карточных турниров никогда не покидал его рассудок, который взвешивал с хладнокровием математического расчета все шансы выигрышей и проигрышей. Обыкновенно у нас считается аксиомой, что страсти омрачают рассудок; карточную же игру полагают такой губельной страстью, которая более, чем какая-либо другая, отнимает у человека и волю, и разум. Некрасов служит вопиющим опровержением этой аксиомы. Та могучая сила воли, которой одарен был Некрасов от природы и которую он еще более развил борьбой с внешними обстоятельствами жизни, ни на минуту не покидала его и в непрестанной борьбе с самим собой. Он так упорно и крепко держал в ежовых рукавицах все свои бурные страсти и таким был строгим хозяином самого себя, что, кто не знал его близко, тому он мог показаться человеком совершенно бесстрастным. Он сам однажды признавался по поводу дикого проявления гнева со стороны не помню уж кого-то, что и сам он расположен к необузданной вспыльчивости и в юности не раз выходил из себя; но однажды он дал себе слово никогда не позволять себе этого, - и с тех пор ни разу не подымал голоса ни на одну ноту. И действительно, сколько я ни знал Некрасова, я не запомню ни одного случая, чтобы он на кого-нибудь рассердился и закричал.

При таком непреклонном самообладании Некрасов никогда не позволял себе в игре то, что называется *зарываться*. И здесь его увлекала не столько цель игры - выиграть кучу денег и наполнить ими карманы, сколько опять-таки самый процесс борьбы с слепой фортуной игры. Когда он возвращался домой веселый и ликующий после выигрыша и, напротив того,-- угрюмый и мрачный, проигравшись, не самая прибыль или убыль денег обуславливали подобные настроения его, а сознание себя победителем или побежденным. Если бы по дороге из клуба он неожиданно получил сумму вдвое большую, чем проиграл, вряд ли эта легкая получка утешила бы его; желчь проигранной битвы продолжала бы мутить его.

В то же время Некрасов играл не зря, слепо отдаваясь всем перипетиям игорного счастья, и картежное искусство его заключалось не в том только, чтобы вовремя рисковать или сдерживаться. У него была своя система игры, которую он однажды объяснял приблизительно в таких словах:

-- Самое большое зло в игре - проиграть хоть один грош, которого вам жалко, который предназначен вами по вашему бюджету для иного употребления. Нет ничего легче потерять голову и зарваться при таких условиях. Если же вы хотите быть хозяином игры и ни на одну

минуту не потерять хладнокровия, необходимо иметь особенные картежные деньги, отложить их в особенный бумажник и наперед обречь их не на что иное, как на карты, и вести игру не иначе, как в пределах этой суммы. Вот, например, я в начале года откладываю тысяч двадцать - и это моя армия, которую я так уж и обрекаю на гибель. Начинаю я играть, --допустим, что несчастно, проигрываю я тысячу, другую, третью,--я остаюсь спокоен, потому что деньги я проигрываю не из своего бюджета, а как бы какие-то посторонние. Положим, что играю я в штос; вижу - в штос мне не везет. Тогда я бросаю его - принимаюсь за ландскнехт, играю в него - неделю, месяц. Если и ландскнехт не везет--принимаюсь за макао, за пикет, за мушку. И поверьте, что, перебравши таким образом три-четыре игры, я непременно наткнувшись на такую, в которой мне так начинает везти, что я в два-три присеста не только возвращаю все проигранное в предыдущие игры, но выигрываю еще столько же. Напавши, таким образом, на счастливую игру, я уж и держусь ее до тех пор, пока мне в ней везет. А чуть счастье отвернется, я бросаю ее и опять начинаю искать своей полосы в других играх, и я не знаю уж, что это за чертовщина, фатум какой или случайность, но верьте моему опыту, что в каждый данный момент существуют для вас две игры: одна безумно счастливая, другая - напротив того. Вся мудрость в картах в том и заключается, чтобы уметь уловить первую и вовремя воздержаться от последней. Если же вы будете упорствовать в несчастной игре и добиваться в ней поворота счастья, - пропащее дело!..

Люди с темпераментом Некрасова редко бывают склонны к тихим радостям семейной жизни. Они пользуются большим успехом среди женского пола, бывают счастливыми любовниками или Дон-Жуанами, но из них не выходит примерных мужей и отцов. Понятно, что и Некрасов, принадлежа к этому типу, не оставил после себя потомства. Только под старость, когда страсти начали угасать в нем, он оказался способным к прочной привязанности к женщине, на которой и женился на смертном уже одре. Но это не мешало ему иметь нежное и привязчивое сердце. Он отнюдь не был сухим и черствым эгоистом, лелеющим и холющим только самого себя, и был способен питать глубокую, нежную и совершенно бескорыстную привязанность к тем немногим родным и друзьям, которые окружали его. Стоит вспомнить только отношения его к родной сестре, к Добролюбову и пр.

Все эти качества, составляющие существенные элементы характера Некрасова, конечно, не имеют ничего общего с тем шаблонным представлением певца народного горя, к которому мы привыкли. Певец горя народного, конечно, должен быть, во-первых, Козьмою бессребренником, во-вторых, обладать кротким и нежным сердцем, не пить, не курить, сидеть на чердаке и бряцать на лире впроголодь или же ходить по деревенским хатам и, прислушиваясь к стонам народного горя, заливаясь слезами. И вдруг этот самый певец народного горя является перед вами во образе не то игрока, не то браконьера. Это может хоть кого сбить с толку.

Но в то же время сообразите, почему же все вышеозначенные качества Некрасова могли помешать ему сделаться певцом народного горя?.. Чтобы допустить это, нет никакой надобности делать такие хитроумные натяжки, какие мне приходилось не то слышать, не то читать: что, мол, на другой день после карточной игры Некрасов так страдал душой, под впечатлением крупного проигрыша, что в страданиях этих живо начинал чувствовать, что выносит народ, и сливался с ним, так как горе от проигранных двадцати тысяч, как и от сгоревшей хаты, само по себе, в сущности, одно и то же человеческое горе...

Такое курьезное предположение могло бы иметь еще хотя бледную тень правды, если бы было известно, что Некрасов писал такие свои стихотворения, как "Мороз - красный нос" или "Коробейники" аккуратно после карточных проигрышей. Известно же нам нечто как раз противоположное. Именно в продолжение зимних сезонов в сутолоке столичной жизни он редко брался за перо. Не до того ему было в это время среди обедов, ужинов, карточных турниров, литературных чтений и хлопот об издании журнала. Не успевал он спать лечь после бессонной ночи, проведенной в клубе, как являлся метранпаж Чижов с корректурами, кто-нибудь из сотрудников по важному вопросу, масса просителей всякого рода, кучер докладывал, что у лошади нога засеклась, ветеринар являлся лечить собаку--до "Мороза ли красного носа" тут было!

Известно, что Некрасов писал свои произведения преимущественно в деревне или у брата в Ярославском уезде, или на Чудовской станции Николаевской железной дороги, где у него была заведена небольшая охотничья дачка.

И как это естественно, как это понятно, что, когда Некрасов удалялся от городского шума на так называемое "лоно природы", --летом, а иногда и зимой,--в нем воскресал совсем другой человек. Воспоминания чистого, блаженного детства начинали толпиться в его памяти. Страдалица мать вставала перед ним среди этих воспоминаний и наполняла сердце его глубокой жалостью. Все, что вынес он в юности, приводило его в горькое сокрушение и возбуждало в нем едкую горечь. А в это самое время обступала его родная природа, бедная, скудная и такая в то же время обаятельная в самом своем убожестве и, смиряя тоскующее сердце его, заставляла его петь в умилении:

Словно как мать над сыновней могилой,
Стонет кулик над равниной унылой,
Пахарь ли песню вдали запоет,
Долгая песня за сердце берет;
Лес ли начнется - сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!
Что же молчит мой озлобленный ум?
Сладок мне леса знакомого шум,
Любо мне видеть знакомую ниву -
Дам же я волю благому порыву
И на родимую землю мою
Все накипевшие слезы пролью!
Злобою сердце питаться устало -
Много в ней правды, да радости мало;
Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.
Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился...
Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром ни сгнуло сил молодых,
Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали
На боязливую душу мою -
Я побежден пред тобою стою!
Силу сломили могучие страсти.
Гордую волю погнули напасти,
И про убогую музу свою
Я похоронные песни пою.
Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно -
Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенья страданий моих,
Жизнью измят я, и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну...

Читатель простит мне, что я привел целиком эту цитату, которую, конечно, знает наизусть каждый русский грамотный человек,-- она, по моему мнению, дает нам ключ к тайне творчества Некрасова, который, подобно Пушкину, мог о себе воскликнуть:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботы суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира.
Душа вкушает сладкий сон,

И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он...

Аполлоном, требующим поэта к священной жертве, для Некрасова и была деревенская русская природа, которая умиротворяла его душу, заставляла его забывать о заботах суетного света и призывала его к священной жертве... А среди этой природы обступали его дядюшки Митяи, Проклы, тетушки Ненилы, "крестьянские дети"--и патриархальной простотой своей жизни, всей своей убогой обстановкой, наивно-трогательными рассказами о своих бедах и невзгодах будили в чутком, восприимчивом сердце его ноты того глубокого, искреннего сочувствия к народному горю, каким исполнены его бессмертные песни. Образ горячо чтимого учителя В. Г. Белинского вставал в это время из могилы в его воображении и звал его от "ликующих, праздно болтающих, омывающих руки в крови в стан погибающих за великое дело любви". Вот под влиянием всех этих впечатлений Некрасов и превращался из того человека, каким знали его немногие его окружавшие, в певца горя народного, каким знает его вся Россия.

Одним словом, вот какое нравоучение следует из всего сказанного. Было время, и так недавно еще, когда младенчеству психология полагала, что каждый человек олицетворяет собой известную добродетель или порок, и весь, так сказать, исчерпывается своим олицетворением: уж если самоотверженный подвижник - так уж и каждый шаг его должен быть подвигом самопожертвования; подлец - так с ног до головы подлец; игрок только о том и должен помышлять ежеминутно, как бы кого обыграть и т. д. Но пора бы бросить подобную наивно-невежественную философию ввиду хотя того, что в последние годы психологи открыли не только возможность совмещения в одном человеке самых разнородных душевных качеств, но и факты двойственного и даже тройственного существования, заключающиеся в том, что один и тот же человек периодически может являться как бы двумя субъектами, не имеющими ничего общего между собой по своим характерам и нравственным качествам и даже претендующим носить различные имена.

Почему же не предположить, что и Некрасов представлял собой такую же раздвоенность? Иной Некрасов был в суете столичной жизни, особенно где-нибудь в английском клубе; там он мог напускать на себя большую долю тщеславия и фатовства, корчить из себя избалованного денди, принимать даже деятельное участие в оргиях гастрономического общества. Но среди деревенской обстановки и под влиянием родной природы и народной жизни в нем пробуждался иной человек, которого мы знаем по его дивным песням. Ну, а я могу прибавить, что этого самого иного Некрасова я знаю и не по одним песням, которые все-таки представляют собой нечто как бы отвлеченное. Я видел его и в самой жизни иным Некрасовым, когда он, после стерляжьей ухи в 5 рублей тарелка и двадцатипятирублевого токайского, не брезговал самую сомнительной сивухой и мутненьким баварским пивом в грязненьком загородном трактирчике...

Примечания

⁶⁹ Статья Скабичевского в No 4 "Современника" за 1866 г. (анонимная) касалась "Степных очерков" А. Левитова и книги Н. М. Соколовского "Острог и жизнь. Из записок следователя". Рассматривая очерки Левитова, Скабичевский сравнивал их с рассказами В. А. Слепцова.

⁷⁰ "Три страны света" - роман, написанный Некрасовым совместно с Е. Я. Головачевой-Панаевой в 1849 г.